

18+

Алексей Митрофанов

Тамбов

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Тамбов. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Тамбов. Городские прогулки / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908337-1

Жители Тамбова сохранили свой характер — бойкий, озорной и вместе с тем доброжелательный, приветливый. Тамбов сегодня — настоящая и не испорченная туристическими операторами русская провинция. В самом хорошем смысле слова.

ISBN 978-5-44-908337-1

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

По-над Студенцом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тамбов

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-8337-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда». Вот, собственно, и все, что знают о Тамбове. Ну, есть еще выражение «тамбовский волк». Когда-то был тамбовский окорок – довольно, кстати, вкусный. Время от времени изделие с таким названием появляется на наших гастрономических прилавках, но вкус, как водится, уже не тот. «Мальчик хочет в Тамбов, ты знаешь, чики-чики-чики-чикита».

Вот, собственно, и все. Все ассоциации с названием «Тамбов».

А между тем Тамбов – вполне реальный город. И поезда туда ходят, и, больше того, самолеты летают. И стоит он не в каком-нибудь там захолустье, а на федеральной трассе под названием «Каспий».

Просто Тамбов – город не туристический. Он вдали от «Золотого кольца», «Усадебного ожерелья Москвы», «Дворцов и парков окрестностей Санкт-Петербурга» и других популярных маршрутов. Хорошо ли это? Вероятно, да. По крайней мере, жители Тамбова сохранили свой характер – бойкий, озорной и вместе с тем доброжелательный, приветливый. Тамбов сегодня – настоящая и не испорченная туристическими операторами русская провинция. В самом хорошем смысле слова.

Увы, и здесь не обошлось без ложки дегтя. В наши дни Тамбов переживает экономический подъем и по всему городу ведется новое строительство. Часто за счет памятников истории, архитектуры и градостроительства. Старина уничтожается какими-то нечеловеческими темпами. Что ж, с точки зрения экономической это понятно: проще снести одноэтажный деревянный дом, в котором жил,

к примеру, композитор С. Рахманинов и выстроить на его месте новенький многоэтажный жилой или же торговый комплекс. Гораздо проще, чем отреставрировать старое и сделать музей. И в наше время город развивается как раз по такому облегченному пути.

Нам остается лишь надеяться, что это явление – временное, что цивилизованный подход и чувство вкуса все-таки когда-нибудь возьмут верх над желанием извлекать прибыль и сверхприбыль из тамбовских улиц, переулков и проспектов. Пока же следует предупредить читателя: в то время как готовится этот путеводитель, некоторые из упомянутых в книге достопримечательностей могут прекратить свое существование. К сожалению, сломать дом гораздо проще и быстрее, чем выпустить книгу.

Впрочем, главное – дух Тамбова – сохранится в любом случае. В этом мы не сомневаемся. Его бульдозером не перебить.

По-над Студенцом

Начать прогулку лучше с леса. Да-да, со знаменитого тамбовского леса, в котором обитает еще более известный тамбовский волк. Тем более восточная часть города Тамбова так и называется – Пригородный лес. И в том лесу находятся гостиницы, пансионаты и прочие объекты туристического проживания. Так что для многих гостей города подобное начало вполне естественно не только в смысле логики, но и, что называется, географически.

История здешних лесов весьма богатая. Один из тамбовских краеведов девятнадцатого века, Иван Иванович Дубасов, писал так: «До второй половины XVII века Тамбовский край, как известно, был Московской уkraineй (то есть пограничной землей – А.М.), дремучим лесом и диким полем... Наши города и села, устроенные большей частью по рекам, стояли друг от друга на дальних расстояниях, разделяемых дикими лесами и поросшими степями. То леса и степи были не нынешние: степям конца и меры не было, а леса были такие, что в них... водились соболи, бобры, лоси, лисицы и всякий иной зверь... А в самых глухих лесных захластухах у нас водились еще дикие туры – зубры, а некоторые лесные урочища так и назывались: туровские леса... Глушь в этих лесах была такая, что невольно наводила оторопь и суеверный страх на наших бортников и звероловов...»

Тогда уже, в семнадцатом столетии, часть здешних лесных угодий находилась в частной собственности. Еще бы – жители прекрасно понимали, какую ценность представляют из себя тамбовские леса. И по возможности старались прикупить кусок такого счастья. А владельцы не стеснялись, продавали. Вот, например, один из документов: «1645 год... Михайла Иванов из Покровской слободы продал свой бортный Кершинский уxoжей на Цне на реке по обе стороны, и Хмелинский уxoжей вверх по Хмелине правая сторона... И тот уxoжей со всяким водчинным угодьем, со пнем, и с колодою, и стоячим деревом, и с бортной делью, и со пчелами старыми и молодыми..., и с орловым и ястребцовым гнездом, и со всяким становым зверьем, с лосиным и козиным стойлом, и со свиным логовом, и бобровой вежею, и с лисицею, и с куницею, с озеры и с истоки, и с рамением, и с бобрами, и с липяги, и с дубровами, и с речками с текучими».

Вряд ли Михайла Иванов долго искал охотников приобрести эти «ухожи».

А в 1890 году тамбовский лес обогатился новшеством – павильоном для садовой стрельбы по голубям и тарелочкам (примерно то же самое, что в наши дни носит название «спортинг»). Павильон был оборудован двумя приспособлениями, запускающими вверх тарелочки, одним приспособлением, открывающим дверь клетки с голубями, и прочим далеко не бедным реквизитом. Такое развлечение никак нельзя было назвать простонародным. За одну тарелочку необходимо было заплатить 5—7 копеек. То же самое – за голубя. Правда, цели у организаторов были довольно благородные – половина всей прибыли шла в фонд разведения дичи.

Действительно, с годами люди стали понимать, что зверь в лесу не вечен, что растраниживать природу – дело далеко не благодарное. Стали вводить квоты на убой и на отлов. А в 1928 году охотники и вовсе сделали свое любимое занятие доступным далеко не всем: «Мы все еще по-старинке считаем, что лозунг „Охота для всех“, который принесла с собой Октябрьская революция, означает предоставление права пользоваться охотничьими угодьями всем без различия... Не пора ли нам, товарищи охотники, положить предел этому пониманию лозунга и как следует почистить наши ряды. Оставим лозунг таким, каким его дала нам Октябрьская революция, и лишь добавим к нему... трудящихся. „Охота для всех трудящихся“ – вот лозунг, под знаменем которого мы поведем дальнейшую работу по охотостроительству».

Из тамбовских лесов в результате исчезла многочисленная творческая интеллигенция и прочие не признанные новым классом профессионалы.

* * *

Более же прочих здешним лесом интересовался протоиерей Стефан Авраамович Березнеговский, живший в Тамбове в девятнадцатом столетии. Человек он был выдающийся. Один из современников писал: «В характере его, общительном и благодушном, не было излишней идеальничающей сентиментальности, но зато преобладала чисто житейская практичность».

Сам же Березнеговский так оценивал свой труд: «Живя в Тамбове более сорока лет постоянно, я старался узнавать о старом быте Тамбова, достал о нем рукописную летопись, и, основываясь на этих фактах, от нечего делать, решаюсь передать мною собранное другим. Конечно, мой рассказ о Тамбове не полон; но, по крайней мере, не все поглотит ненасытное время; а может быть, будущий историк Тамбова найдет в нем что-нибудь нужное для себя».

Лес был одним из объектов пристальнейшего внимания г-на Березнеговского. Он сообщал: «Место, на котором заложен город Тамбов, покрыто было непроходимыми вековыми лесами, тянувшимися непрерывною грядою от Хопра до Балтийского моря и от Волги до Дона. Только в уездах Кирсановском, Борисоглебском и частию Козловском кое-где проскальзывали поляны, покрытые травой, как оазисы, среди песчаных степей Аравийских...

В 1774 году, когда шайка Емельки Пугачева приближалась к селу Рассказову, жители города Тамбова спешили укрыться от неминуемой беды не за тридевять земель, а просто пробирались с имуществом за речку Студенку и твердо были уверены, что в тамошней лесной глуши пугачи не найдут их».

Конечно, современный Пригородный лес далек от образца, описанного протоиереем. Но при желании можно представить себе, как все это выглядело три столетия тому назад.

И поползут мурашки по спине.

* * *

Кстати, Пригородный лес прославился не только как природный памятник, но и как своеобразный центр тамбовского прогресса. Во всяком случае, именно здесь в 1916 году был выстроен шедевр архитектуры и инженерии – так называемый гиперболоидный бак. Автором его был знаменитый инженер Владимир Шухов, прославивший себя в первую очередь радиобашней в городе Москве, на Шаболовке. С помощью гиперболических опор Шухову удалось выстроить мощную конструкцию, способную удерживать гигантский бак объемом более 60 тысяч ведер.

Разумеется, водопровод в Тамбове к тому времени уже существовал. Он был освящен епископом Тамбовским и Козловским Палладием в 1884 году. Тогда же и произошло первое тамбовское водопроводное хищение. Газета «Тамбовские губернские ведомости» сообщала: «16 сего июня в 8 часов вечера тамбовский мещанин Алексей Казаков и крестьянин Тамбовского уезда села Сурены Козьма Решетов, разбив на части лежавшее около Девичьего моста одно колено чугунной водопроводной трубы и сложив в мешки, намерены были этот чугун и молоток, коим разбивали трубы, похитить, но были тут же пойманы и доставлены в Первую часть, откуда, вместе с протоколом дознания, переданы к мировому судье».

К чему приговорили жуликов, история умалчивает. Вряд ли, однако же, они отделались легким испугом – покушение на новенький водопровод воспринималось горожанами почти как святотатство.

А спустя еще восемь лет был окончательно укомплектован штат водопроводной службы. Тамбовские СМИ сообщали: «Городская управа доложила городской думе, что избранная ею комиссия по устранению неисправностей по городскому водопроводу, между прочим, находит необходимым для разъездов техника по надзору за водопроводом, дать ему лошадь и чело- века... По этому вопросу дума разрешила городской управе израсходовать на покупку лошади до 150 рублей, нанять человека для ухода за лошады, приняв содержание его и лошади на счет водопроводной сметы».

Шуховское же сооружение было скорее памятником инженерной мысли, а не простым утилитарным городским объектом.

К сожалению, бак не дожил до наших дней – новые технологии водоснабжения пришли на смену старой доброй водокачке, пусть даже и такой большой.

* * *

А еще в тамбовском Пригородном лесу жил господин Герасимов, владелец первого тамбовского автомобиля. В январе 1912 года он получил разрешение на пользование французским лимузином марки «Деллаге» с закрытым кузовом и на 7 мест. Мощность автомобиля составляла 10 «городских сил». Пионер тамбовского автолюбительства стеснялся называть те силы лошадиными.

Герасимов завел машину не для собственного удовольствия. Уладив административные вопросы, он незамедлительно дал объявление о том, что каждый, позвонив по телефону 417, может заказать сей лимузин. Час езды в дневное время стоил 5 рублей, в ночное – 7 рублей и 50 копеек. Это удовольствие было не из дешевых. Впрочем, и налог владелец первого тамбовского такси уплачивал нешуточный – 75 рублей в год.

* * *

А еще в Пригородном лесу жило немало дачников. Кто-то владел собственным дачным угодьем, кто-то снимал его на лето для семьи, а кто-то – вскладчину – сразу на несколько семейств. Огородничеством никто не занимался – дачи заводили не для грядков, а для отдыха. Правда, разбивали цветники и состязались, у кого шикарнее.

Мостоми же тамбовский дачник, как правило, пренебрегал. Неудивительно, ведь мост – это обыденность и скука, что никак не сочетается с самой идеей дачного отдохновения. Предпочитали добираться до своих угодий по воде – на лодочках и даже катерах. Их в избытке предлагали местные предприниматели, однако, многие предпочитали держать собственный водной транспорт.

Кстати, первый моторный катер под смешным названием «Братушка» появился здесь довольно рано, в 1876 году. Его владелец, некто Зандберг, был одновременно и держатель дачи, которую сдавал сразу на несколько компаний. Дача его была роскошной и престижной, однако чрезмерно дорогой. Но когда речь идет об отдыхе и развлечениях, истинный тамбовец за ценой не постоит. В том числе и за ценой на катер, а ведь проезд стоил целых 60 копеек.

И конечно же, особым ритуалом была покупка всяческой провизии. В основном ее везли из города, из магазинов Гимназической, Носовской и Базарной улиц. Но припасы, разумеется, быстро заканчивались: ведь, во-первых, на природе аппетит лучше, чем в городской сутолоке, а во-вторых, никто из дачников не застрахован от внезапного прихода дорогих гостей. На этот случай в Пригородном лесу действовал магазинчик господина Фокина. Ассортимент его был самый, в общем-то, обычный: сыр, колбаса, сардинки, сладости, вино. Однако же каким вкусным это все казалось. Да и процесс самой покупки был весьма своеобразным и приятным. За прилавком фокинского магазинчика всегда стоял любимый всеми дачниками Ванечка, приказчик. Ванечка был молод и красив, всем улыбался, говорил приятные слова. А денег никогда не брал – записывал в особенную книжку кому именно, когда и что было отпущено. Расплачивались с Ванечкой лишь в сентябре, по окончании дачного сезона. Конечно, никому и в голову не приходило Ванечку надуть, съехать, не расплатившись. Во-первых, Тамбов – город небольшой и все друг друга знают. А во-вторых, как-то это не по-дачному.

* * *

А что же волк?

Да не было тут никаких волков.

То есть, конечно, были, но только самые обыкновенные, ничем особенным не примечательные. И выражение «тамбовский волк» имеет несколько различных версий происхождения. Все они, по большому счету, сводятся к тому, что фраза эта очень даже молодая. Самый

«старинный» вариант выглядит так. Якобы на рубеже XIX—XX столетий зимой в Москву из окрестностей Тамбова приходило множество так называемых «сезонников» – крестьян, которым долгие зимние месяцы нечего было делать на своей земле. Деньги на прокорм семьи, однако, требовались. Социально активные тамбовцы постоянно перебивали у москвичей разный заработок. За что и получили прозвище – вот, дескать, понаехали волки тамбовские.

Но эта версия не слишком убедительна. Дело в том, что сотню лет назад сезонники шли и в Москву, и в прочие крупные города со всей России. Это не было явлением исключительно тамбовским.

И судить о том, кто именно проявлял большую активность, не было возможности – зависело, скорее, от характера отдельно взятого сезонника, а вовсе не от места его проживания.

Версия вторая связана с так называемым Антоновским восстанием – повстанческим движением, возникшим в Тамбовской губернии в 1918 году и продолжавшимся вплоть до 1921 года (об этом движении – несколько позже). Якобы озлобленные на весь мир повстанцы проявляли несоизмеримую жестокость, за что и были прозваны тамбовскими волками. Но и эта версия имеет свои недостатки. Главный состоит в том, что поднявшиеся на восстание тамбовцы, по сути говоря, ни на кого не нападали – они лишь пытались защитить себя и свои семьи от невиданного произвола новой власти. Прозвание «тамбовский волк» могло возникнуть лишь в официальной пропаганде. Но, как нам известно, не возникло. В народе же ничего такого в отношении антоновцев в принципе родиться не могло.

Есть и третья версия – международная. Давным-давно английские купцы случайно оказались в городе Тамбове. И, по случаю, приобрели там партию красивых волчих шкур. Эти шкуры увидела сама королева Британии. И пришла, как говорится, в щенячий восторг.

Королева издала распоряжение – использовать такие шкуры для оторочки офицерских мундиров. Купцы, ясное дело, снова были посланы в Россию. Но на сей раз ограничились Москвой. Они ходили по торговым меховым рядам и спрашивали: «Тамбовский волк? Тамбовский волк?» Это ужасно потешало москвичей. Фраза «тамбовский волк» вошла в фольклор.

Как в действительности обстояло дело – неизвестно.

Один лишь факт мы можем признать точно. Популярность прозвище «тамбовский волк» приобрело в 1956 году, после выхода в свет кинофильма под названием «Дело Румянцева». Там шофер (его сыграл, кстати, известный актер Алексей Баталов) обращается к работнику милиции: «Товарищ милиционер...» И получает в ответ резкое: «Тамбовский волк тебе товарищ».

А вот тамбовский антиволк действительно существовал. В девятнадцатом столетии местные овцеводы вывели особую породу овчарки, которую не долго думая называли тамбовской. Собака эта была рослая, плотного телосложения, с сильными мускулами, острой мордой и огромными зубищами. Шерсть у нее была довольно необычная – грязно-желтая и с виду отдаленно напоминала овечью. Эта собака была предназначена для охраны овец от волков. И она действительно могла при случае дать отпор грозному лесному обитателю.

Впрочем, сегодня выражение «тамбовский волк» скорее позитивное, чем негативное. В городе действует музей тамбовского волка, фраза используется в наименованиях лучших продуктов региона, а в сувенирных лавках продают керамические фигурки добродушного, мудрого и ироничного зверя.

* * *

Тамбовский Пригородный лес от исторического центра города отделяет река Цна. Некогда здесь располагалась и официальная граница. Более того – стоял охранный пост. Один из путешественников, Г. А. Скопин, писал в 1787 году: «Увидел город Тамбов издалика. В город пришел в 12 часу, перешел реку Цну, тут на заставе спросили у меня паспорт. Я объявил караульному унтер-офицеру, который, по прочтении, отдал мне, сказал: „Ступай!“» После чего Скопин и начал осмотр Тамбова.

Главной задачей Цны было снабжение горожан рыбой и всякими речными гадами. История здешнего рыболовства, в общем, повторяет уже пересказанную выше охотничью историю. Сначала – рыбный беспредел, а после, ближе к концу девятнадцатого века, когда рыбы в реке стало ощутимо меньше – строгие ограничения. В 1891 году тамбовская Гордума даже выпустила правила рыбалки в реке Цне, ее притоках и заливах. Требования и впрямь были довольно жесткими:

«1. С 1 мая по 15 июня по случаю метания рыбою икры, ловля всякой рыбы всеми снастями, кроме удочек, воспрещается.

2. Воспрещается бить рыбу острогами, перепруживать реку рыболовными снастями и плетнями.

3. В виду незначительности реки и ее притоков ловля рыбы во все времена года воспрещается: неводами, сетями, приволочками, вентерями и неретами.

4. Дозволяется ловить рыбу удочками, крючками и бреднями длиною не более 4-х сажень.

5. Поручить Управе и гласным Городской Думы виновных в нарушении сих правил привлекать к законной ответственности».

Только вряд ли правила имели ощутимый смысл. Ведь главный рыболов – крестьянин – был, как правило, неграмотен, законов не читал, а на власти смотрел с подозрением и недоверием. Не то, что к старым методам, которыми еще и деды пользовались – натянешь сеть, и все семейство сыто.

Интеллигенция же, то есть, люди грамотные, относилась к Цне не так утилитарно, как крестьянство. И река, и городская набережная в первую очередь были источниками развлечений, впечатлений. И до революции, и после. Одна из здешних жительниц, Юлия Левшина, дочь Алексея Левшина, тамбовского художника, вспоминала о детстве, пришедшемся на 1930-е годы:

«Вот Набережная, любимая многими, но нами – особенно.

Отец с ранних лет брал нас с братом на этюды.

Лето. Идем по Набережной. В далекие 30-е это была тихая и пустынная, особенно днем, улица на высоком косогоре, спускавшемся к реке. У Тезиковского моста, в те годы деревянного, напротив улицы Энгельса – женский пляж. Пляжи тогда были отдельными. Мужской находился по другую сторону моста, как раз напротив нашей Флотской. Когда жители отправлялись купаться на реку всей семьей, то выбирали место невдалеке от мужского или женского пляжа – в зависимости от преобладания в семье мужского или женского состава, так сказать. Тут проявлялось какое-то уважительное отношение к другим...

Итак, проходим мимо женского пляжа, на спуске с улицы Энгельса. В самом низу спуска, совсем близко к берегу, живописно уютятся несколько маленьких серых деревянных домиков в окружении старых ветел, почти пригнувшихся к воде... Идем с папой краем крутого высокого берега. Внизу спокойно в желтых берегах течет Цна, голубая от отражающегося в ней неба. Нам с братом она кажется очень широкой. Это уже потом, став подростками, мы легко переплывали ее, а пока... И, кажется, течет она в дальние дали... Сколько же было хожено еще по Набережной! С отцом на этюды, а позже, когда я подросла, со школьными друзьями. А иногда – и в одиночку. Запомнилась одна такая прогулка, когда я была семиклассницей. Нам было задано домашнее сочинение об осени. И как же мудро поступила мама, посоветовав мне сначала посмотреть на осень, а потом уже писать сочинение. Как все отложилось в памяти! Будто снова ощущаю свежесть солнечного холодного октябрьского дня, вижу сахаристо-зернистую у самого берега и истончающуюся к воде крошечку льда, обнаженные темнотвольные деревья на склоне. И я – одна. И рождается желание запечатлеть увиденное, описать так же ярко, как сама вижу.

За сочинение хвалили. Читали его вслух в классе... Сколько бы ни ходила по Набережной, всякий раз – новое восприятие этой любимой тамбовцами улицы».

Конечно же, самым престижным жильем в городе Тамбове (как, впрочем, и в большинстве российских городов) всегда были здания исторического центра. Однако Набережная успешно конкурировала с ним. Многие господа при средствах предпочитали строиться не на Дворянской или Гимназической, а вдали от суеты и шума, рядышком с тихой и неспешной Цной. С одной стороны, там можно было вести патриархальный, сельский образ жизни, а с другой – при необходимости приказать, чтобы запрягали лошадей, и спустя несколько минут быть в самой гуще городских событий.

* * *

И уж, конечно же, таких садов, какие были на берегу Цны, в центре, нельзя было себе даже представить. Та же Юлия Левшина писала: «В нашем саду было много цветов – и многолетних, и однолетних. Ими в основном занималась мама. Были ирисы, пионы, флоксы, астры. Букеты их все лето стояли в комнатах – на столах, подоконниках, пианино. И папа часто писал натюрморты с букетами цветов, собранных мамой или (позднее) мной... Цветение в саду началось ранней весной. У южной стороны дома под окнами спальни раньше всего начинал таять снег. И вот, однажды проснувшись, глянешь в солнечное окно и увидишь, как сквозь хрупкий снежок проклевываются стрелочки-листья подснежника. А на другой день и сам голубенький снежок улыбается наступающей весне...

В самом конце апреля – начале мая обычно зацветала черемуха. У нас в саду она распускалась раньше, чем начинали продавать лесную. Наверное, потому, что она росла на солнце, а не в низине, как в лесу... После черемухи цвели вишни, сливы, яблони. Всегда казалось странным, что цветение вишен начиналось даже раньше, чем на них появлялись свежие, будто лаковые, листочки... На яблонях – крупные, с розовым нежным оком цветки. И аромат неопишуемой свежести, точно настоящий на солнце и нагретой им земли, наполняет сад и входит в комнаты через открытые окна и балконную дверь.

А потом пойдут ирисы. Эти цветы с их прямыми стеблями и саблевидными листьями, не ярко-зеленого, а серебристого, с оттенком в голубизну, цвета, с изящной формы прозрачным и неподвижным, как бы застывшим в своей причудливости, точно фарфоровым цветком всегда казались мне немножко неземными, искусственными... Из весенних цветов еще были в нашем саду фиалки, махровые, красные, нежно-душистые тюльпаны, пионы.

И сирень, сирень... Сказочно много сирени, традиционно розово-голубоватой и белой». И этот фейерверк – до середины лета.

Не всем, однако, нравились прицининские сады. Один из гостей города Тамбова, Алексей Владимирович Салтыков, писал в 1797 году: «Обедали мы дома, в самом дурном саду, но под тенью и с тремя любезными девицами, дочерьми моей родственницы».

Впрочем, Салтыков нам не авторитет. Он был большой придира и, помимо сада, жаловался на сам дом, в котором ему довелось гостить: «Квартирой мы были недовольны и всю ночь не спали от несказуемого множества сверчков».

Ему бы современные автомобильные сигнализации послушать.

Но, разумеется, большинству Цна приходилась по нраву. Реке радовались, рекой любовались, реке посвящали стихи. К примеру, тамбовский поэт Вячеслав Афанасьев так и назвал свое стихотворение – «Цна»:

* * *

И уж, конечно, о реке слагали романтические легенды. Например, такую.

Жил на месте нынешнего города Тамбова один мордвин по имени Урлап. И была у этого мордвина красавица супруга. Мало того что красавица – еще и добрая колдунья. Именно добрая – ни разу в жизни никому она не причиняла зла, а в основном, лечила от болезней.

А еще росла у Урлапа дочка, тоже красавица, и звали ее Цной. Когда родителям пришла пора отправиться на вечное упокоение, мать передала любимой дочери все свое тайное умение. И, разумеется, взяла страшную клятву – тоже творить только добро.

Цна и не думала ту клятву нарушать. Жила себе одна, горя не знала – излечивала всех соседей от недугов, отводила грозовые тучи или же, наоборот, привлекала дождичек, направляла рыбу прямо в сети рыбакам, а всяческую дичь – охотникам чуть ли не прямо в руки. В одного из тех охотников – Сампора Цна однажды влюбилась. Сампор с легкостью один одолевал медведей, но однажды косолапый все же оказался посильнее, чем охотник. Тогда товарищи его, всего израненного, отнесли лечиться к Цне, которую очаровал с первой минуты... Чувство Цны оказалось взаимным, и молодые вскоре поженились, начали жить одним домом.

Но тут стряслись татары. Они обратились к знатоку лесов Сампору и предложили ему много денег за то, что охотник проведет их через чащу на Москву. Кроме того, татары обещали в знак благодарности оставить всех здешних мордвин живыми-невредимыми. Сампор, конечно же, образовался той оказии и сразу похвастался супруге. Но она, будучи патриоткой, стала отговаривать Сампора. Тот, конечно, ни в какую – все-таки глава семьи.

Тогда Цна явилась на могилу матери и попросила у нее совета. Мать сказала Цне:
– Наведи на Сампора слепоту.

Однако Цна не смогла послушаться мудрого совета – так сильна была ее любовь. Бедная женщина уселась на пригорок и принялась горько плакать. Плакала она, плакала и плакала – до тех пор, пока полностью не растаяла, пока все ее тело не исчезло вместе со слезами. Зато слез было так много, что поток их превратился сначала в ручеек, а после в реку.

Сампор тем временем выполнил поручение татар, вернулся домой с щедрыми подарками и мешком золота, но не нашел своей жены. А вместо этого увидел реку. Прислушался к ее журчанию – и вдруг узнал любимый голос. Цна лишь слегка, ласково упрекала мужа в том, что он наделал, в основном же говорила ему нежные слова любви. В ужасе от того, что натворил, Сампор забыл про деньги и подарки и в отчаянии бросился в воды реки – чтобы вовек не расставаться со своей возлюбленной.

А ведь, казалось бы, – обычная речушка.

* * *

Кстати, тема взаимоотношения русских, мордвин и татар – одна из самых популярных в здешнем устном творчестве. Вот, например, «Легенда о спасении тамбовскими мужиками царя Ивана Грозного»:

«На том месте, где Тамбов стоит, и по всей долине Цны, от начала ее и до устья, в давнее время сплошь росли дремучие, непроходимые леса. Никаких дорог в тех лесах не было, всюду чаща, глухомань да топкие болота. Сосны стояли вековые, необхватные, дубы – могучие, березы – дуплистые, старые.

А в лесах тех людей совсем мало было, только кое-где мордва мелкими поселениями жила, пчелой да зверем промышляла, рыбу в речках и озерах ловила. Русских же тут еще меньше было: кое-где на полянах избенки наших мужиков по одной-две стояли. Да редки починки те были: не любит наш народ в лесу жить, потому что здесь и волк, и медведь скотину дерут, лиса кур кладет, тут и лихие люди, разбойнички, чаще лютуют.

А все же мужик наш шел сюда, в дикую тогда сторону, в леса беспросветные. Бежали сюда и в одиночку, и толпами: то от господ жадных да лютых сбегут, что разорили да замордовали совсем мужика; то от рекрутчины, что смерти лютей была в старое время; то от приставов да подьячных разных, что кляузами и ябедой людей со свету сживали, с мужика последние лохмотья снимали. Вот прибегут в леса наши мужики, драные да косматые, на ином на костях да коже одни портки чуть держатся на гашнике, и вздохнут посвободнее: избыли лютую неволю... Приглядят те бедняки местечко в лесу, где-нибудь у воды, и начнут чащобу лесную топорами валить, огнем палить да пеньки корчевать. Глядь – у речки или озера полянка выходит. Тут мужики сейчас же избы начнут ставить и землю ковырять, а то и сохой пахать, если лошаденка у кого есть. Вот и починок – деревушка – в лесу стоит: и избы белеют новыми бревнами, и земля распахана, и хлеб на ней колосится. И живут люди у речек на лесных полянках, работают,

потом каждый день обливаются, зато сами себе господа и хозяева. Вот такой починок стоял на том месте, где теперь Тамбов-город построен. Только тогда никакого города тут не было, а кругом лесная чаща залегала, деревья шумели. А в чаще, меж деревьями, вместо дорог лишь кое-где тропинки вились, почти не приметные на взгляд. Лишь мужикам, да бабам здешним, да мордве лесной они ведомы были. Мужики по ним зверье бить ходили, бабы и девки – ягоды да грибы собирать, а мордва – деревьям да ручьям заповедным молиться. И теперь еще есть в наших лесах такие глухие, непроходимые дремучины: там и тропинки не найдешь, а скорее в трясины болотную угодишь».

И тут начинается самое интересное. Время действия, как нетрудно догадаться из названия, – середина шестнадцатого века. Иван Грозный направляется из Москвы в Среднее Поволжье, чтобы взять город Казань. Но, вопреки канонической исторической версии, не берет. Казань успешно отстаивает свою независимость, и Грозный со своим порядком поредевшим войском не солоно хлебавши возвращается в Москву.

Точнее, ему хочется вернуться. Да не тут-то было! Хитрые татары преследуют московского царя, да так удачно, что в конечном счете окружают его и поджигают вокруг незадачливого захватчика лес. Лес, разумеется, тамбовский.

Грозный быстро осознал безвыходность своего положения. На маленькой полянке, куда еще не добралось пламя лесного пожара, стали все. Куда ехать, куда кинуться, спасаясь от огненной смерти? Некуда, нет пути, погибать придется.

«Видит царь Иван, что конец пришел, заговорил, обращаясь к людям своим:

– Дети мои, люди русские! Смерть глядит на нас, огнем-полымем пышет. Простите меня, коли обидел кого в чем. А коли спасется от огненной смерти кто из вас, скажите народу: поручил, мол, царь свое царство великое всему народу, его уму-разуму. А царем пусть выберут себе, кого сами знают да уважают. А из бояр пусть не выбирают: на народ люты бояры-лихоимцы, сквалыжники. Пускай хоть из мужиков выбирают, честного и умного, да чтоб к людям бедным, работным жалостлив и справедлив был.

И душеньку свою царскую он Господу Богу поручил, и отходную молитву стал себе читать, и люди его тоже. А пламя со всех сторон подступает все ближе, все теснее огнем сжимает полянку. И только что последнюю молитву, что на смертный час читается, кончил царь, вдруг слышит он звон какой-то... Прислушались люди: звон раздается протяжно так, смолкает, а потом опять слышно, словно бьет кто в железо сильно, но редко, с остановками. «А ведь это нам кто-то знак подает, куда ехать, чтобы сквозь пламя проскочить», – заговорили люди кругом царя. Царь Иван просветлел лицом, перекрестился и сказал:

– Да, братцы... Разгоняйте коней в ту сторону, откуда звон идет, чтобы нам пламень проскочить, а там видно будет, что делать. Недаром звон идет, к себе зовет: может, по души наши грешные звонят, а может – к спасению путь указывают.

Разогнали коней царь с дружиной, плетками нахлестывают, а кони и сами чувствуют, что туда, на звон надо лететь, потому лошадь – скотина умная, она иной раз лучше человека дорогу найдет и из беды вызволит. Так и здесь было: то ушами прядали, храпели, упирались, ногами били, на дыбы вставали, а теперь сразу на звон кинулись. А деревья здесь редкие были, и пламя несильно было между ними. В мгновение проскакали через огонь и вылетели на огромную поляну, одним краем она к реке выходила. Деревья на поляне вырублены, а у реки, на берегу избы стоят».

Так в чем же все-таки была причина столь чудесного и своевременного избавления царского войска от пожара? Что обнаружил Иван Грозный на поляне, кроме изб? А вот что: «На краю деревни, у прясла мужик что есть силы здоровенным поленом о сошник бьет. Сошник к колу на веревке подвешен и звенит, как колокол, гулко и протяжно... Едут они, царь с дружиной, прямо к тому мужику, что у прясла в сошник звонил. А тот, здоровый, бородатый, как увидел царя с дружиной, звонить перестал и... перекрестился.

– Ну, – говорит, слава те, Господи! Выехал ты, хозяин наш пресветлый, на чистое место. Жив будешь, и Русь нашу беронить и ладить станешь. Слава те, царь Иван!

– А ты кто? Как ты узнал про нас, что мы по лесам от огненной смерти бежим?

– Кто я? Да мужик я тутошний, русский. Вон и изба моя. А как узнал про вас и про вашу беду? И не я один узнал, а все мужики наши узнали. Как татары да мордва стали вокруг вас леса жечь и огнем гнать вас в сторону от дороги, мужики-то наши лесные тоже провели, на чью погибель тот пожар лесной учинен, да и ну следить за вами, чтобы помочь выбраться из беды. По нашим тайным тропам да болотам шли, где огня не было, за вами следили, хоронились от татар, потому что татары не допустили бы, чтобы мы вызволили вас. И я давно уж слежу за вами, да подойти нельзя было, татары мешали. А тут, как пламень тебя, царь, окружил со всех сторон, татарве ушло, прибежал я по тропкам через болота сюда, к себе, да и зазвонил, чтоб тебе и дружине твоей весть подать и путь указать, как от огненной смерти спастись».

Вот так, благодаря любви народа, спасся от смерти самый грозный и кровавый русский царь. А Казань – шут с ней, с Казанью. Не взяли – и не больно-то хотелось. Главное, остались живы.

А мужики тамбовские за этот подвиг получили пропуск в Кремль. И каждый раз, когда у них случалась в чем-нибудь нужда, они сразу же ехали в Москву и излагали свои жалобы первому человеку государства. И, конечно, все вопросы решались сразу же – административный ресурс у царя был нешуточный.

Во всяком случае, так говорит легенда.

* * *

Недалеко от улицы Степана Разина в Цну впадает речка Студенец. Впрочем, какая это речка? Так, ручеек. Даже не верится, что некогда, столетия тому назад, нынешний более чем скромный Студенец был рекой полноводной и способной запросто дать фору самой Цне. Однако времена меняются, и не всегда это идет на пользу рекам.

Студенец можно считать северной границей исторического центра города Тамбова. На юге эту роль выполняет улица Максима Горького (до революции – Араповская). На западе – улица Железнодорожная. А на востоке – река Цна. Впрочем, западная граница – еще более условная, чем три остальных. Во всяком случае, прогуливаясь улицами города Тамбова, мы далеко не каждый раз будем в такие дебри забираться – приятные и прибранные улицы, заполненные памятниками архитектуры, будут подчас довольно быстро превращаться в грязные дороги, лишенные даже намека на какие-либо достопримечательности. Что поделаешь – у привлекательной медали под названием «русская провинция» есть и сторона обратная.

В основном же наше путешествие будет ограничено именно этими границами. И начнем мы с улицы Степана Разина, с той самой, по которой, вероятно, когда-то вошел в город упомянутый уже Герасим Скопин.

Улица Степана Разина невелика, однако же очень нарядна. Радостные домики, окрашенные желтой краской, сразу же настраивают путешественника на оптимистичный лад. И пусть сам Скопин сетовал («Отдохнув, ходил по городу, который весь переломан. Скроются по форме. Внутри города дома каменные о двух и трех этажах, а другие деревянные, на каменном фундаменте»). Нас же это обстоятельство только порадует. Ведь тогдашняя «переломка» города Тамбова есть не что иное, как переустройство его по генплану. То есть работа по созданию именно того уютного и жизнерадостного городка, который мы имеем удовольствие видеть сегодня.

* * *

Первая достопримечательность – дом причта кафедрального собора (№7). Он был выстроен в начале прошлого столетия и по сей день поражает роскошью, затейливостью, щедростью отделки. Обычно дома причта выглядят иначе: скромные четыре стенки, крыша – вот

и вся архитектура. Но тамбовцы подошли к этому делу несколько иначе и, пожалуй, были правы. Во всяком случае, Господь не запрещает радоваться жизни.

Напротив дома причта – здание первой городской дизельной электростанции (№6), построенное приблизительно тогда же – в 1911 году. Ее мощность составляла всего-навсего две сотни киловатт, однако по тем временам и это было выдающимся событием. В городе, по крайней мере, стало развиваться электрическое освещение. А освещение Тамбова – вещь хрестоматийная, даже вошедшая в художественную литературу. Ванька Бурнов, приближенный Емельяна Пугачева в одноименной поэме Сергея Есенина, в частности, говорил:

Начиная же с 1911 года надобность в керосиновых, масляных и прочих малоэффективных фонарях стала постепенно отпадать.

А по иронии судьбы, Тамбову суждено было стать родиной изобретателя лампы накаливания, Александра Николаевича Лодыгина. Точнее, не Тамбову, а Тамбовской области – Лодыгин родился в селе Стеньшино Петровского района. Но с четырнадцати лет он жил в Тамбове. Здесь же и получал образование – в Кадетском корпусе для малолетних детей из дворян и казаков.

Уже в возрасте двадцати трех лет Лодыгин изобретает вертолет – в 1870 году он пишет докладную на имя военного министра Д. Милютина: «Опыты, производимые Комиссией над применением воздушных шаров к военному делу, дают мне смелость обратиться к Вашему высокопревосходительству с просьбою обратить Ваше внимание на изобретенный мною электротел – воздухоплавательную машину, которая может двигаться свободно на различных высотах и в различных направлениях и, служа средством перевозки груза и людей, может удовлетворять в то же время специально военным требованиям как оружие наступательное и оборонительное, так как, поднявшись на желаемую высоту, можно не только безопасно следить за действиями неприятеля, но и уничтожить его боевой и провиантский обозы, бросая сверху разрывные и зажигательные снаряды, и таким образом без напрасной траты людей обезоружить неприятеля. Предполагая, что Ваше высокопревосходительство обратите Ваше внимание на мое изобретение, прошу Вас о назначении Комиссии для рассмотрения теории ее и о том, чтобы мне были даны средства для устройства пробной машины». Деньги на дальнейшие исследования и разработку выделены не были.

С лампой накаливания все оказалось проще. Колоссальных вложений не требовалось, и Лодыгин просто взял да и собрал первые лампы сам. И поставил перед своим домом пару фонарей, тем самым приведя в глубокий шок всю петербургскую общественность.

Один из современников Лодыгина, тоже инженер Н. В. Попов писал: «Вдруг из темноты мы попали на улицу с ярким освещением. В двух фонарях керосиновые лампы были заменены лампами накаливания, изливавшими яркий белый свет. Собравшиеся с восторгом и удивлением любовались этим огнем с неба, светом без огня, как его тут же окрестили петербуржцы. Многие принесли с собой газеты и сравнивали расстояния, на которых можно читать при керосиновом освещении и электрическом. На панели между фонарями лежали провода величиной с палец».

Словом, можно смело утверждать, что именно Тамбов – родина электрического освещения.

* * *

Итак, мы в самом центре древнего Тамбова – города, основанного в 1636 году стольником Романом Боборыкиным. Задача перед стольником стояла непростая – построить крепость на дороге, связывающей Москву с Нижним Поволжьем. Царь Михаил Федорович выдал Боборыкину личное предписание: «На поле на реке Цна на усть речки Липовица поставить город Тонбов, а в нем устроить служилых всяких людей».

Впрочем, по ходу дела планы поменялись, и был «обложен город Тамбов на реке Цна на левой стороне, на усть речки Студенца апреля в 17-й день, в самый день живоносного Христова Воскресенья».

В первое время равным образом существовало оба варианта написания – «Тонбов» и «Тамбов». Чаще употреблялось все-таки «Тонбов» – в честь предполагаемого места основания, «напротив крайней мордовской деревни Тонбов и реки Тонбов». Деревня была явно именована в честь речки – эта практика была общераспространенной, и не только в нашем государстве. Тем более, само слово «тонбо» обозначало «омут» (на мордовско-мокшанском языке).

Слово же «Тамбов», по-видимости, происходит от мордовского (но только не мокшанского, а эрзя) слова «тамбака» – топкий. Так что оба эти слова означают, в общем-то, одно и то же – лишь на разных диалектах.

Существуют, впрочем, и другие версии. Один из дореволюционных исследователей, Т. Моллин, к примеру, считал, что название «Тамбов» происходит от слова «томба» – «священный берег, где пускали в воду жертвенные костры», или вообще от финского «томбо» – «горящий смолистый сосновый пень». Другой ученый, господин Долгушин уверял, что город назван по мордовскому слову «томболь», что означает «та, другая сторона».

Однако самая занятная из версий принадлежит не ученым, а народу, самим жителям Тамбова. Якобы давным-давно в этих местах обретался страшный изверг и бандит по кличке Бов. И окрестный люд, предупреждая неосведомленных путешественников, показывал в сторону будущего города Тамбова, делал страшное лицо и говорил:

– Там – Бов!

* * *

Тамбовская крепость давно не существует – разве что особенно пытливые исследователи могут обнаружить некоторые особенности здешнего рельефа, свидетельствующие о местоположении старых крепостных валов. Последние работы, связанные с ее ликвидацией, прошли в 1901 году. Газеты сообщали: «На 1-й Долевой, между Дворянской и Гимназической улицами, ров окончательно засыпан, ставят ограду и производят разбивку плана будущего „шоршоровского“ сквера. Посадка деревьев начнется, по всей видимости, с осени. Городом дозволено кому угодно свалка земли в ров на Дворянской улице с целью его уничтожения. Таким образом, хотя и не скоро, но засыплется и эта последняя часть исторического дренажа, служившего во время оно осушению болотистой почвы, на которой создался Тамбов».

Автор заметки, видимо, и не догадывался о первоначальном назначении оборонительного рва.

В свое время крепость была выстроена на славу. Однако вскоре тамбовский гарнизон утратил боевую мощь и некогда присущее ему величие. Сразу после основания города здесь на вооружении находилось «вестовых и полуторных пищалей 25 да пищалей затинных 20, к ним тысяча ядер».

Однако уже упомянутый тамбовский краевед Дубасов утверждал, что и в ту пору гарнизон был легкомысленный: «У одного рогатина, у другого пищаль, у третьего карабин, у четвертого сабля, у пятого... палка... В бой, например, из Тамбова тогда выезжали Леонтий Перверзев на мерине с карабином, Иван Добрынин на мерине с пищалью, Логин Конев на мерине с пищалью и саблей, Иван Боев на мерине с пищалью и рогатиной, Артем Катаев с палкой».

Не исключено, впрочем, что тот Катаев был на самом деле самым грозным из защитников Тамбова.

Уже в 1720 году воевода Глебов жаловался в донесении Петру Великому: «Во всей тамбовской провинции гарнизонных солдат только 818 человек и у оных солдат ружья и амуниции ничего нет, а которые ружья и есть, то не только для стрельбы, но и к починке не годно».

Вторил ему князь Волконский: «Тамбовских и козловских служилых людей я собрал и начал смотреть... а в службу годных явилось небольшое число и безоружных, а хотя ружье и будет им роздано, и они тем ружьем владеть и палить без науки не умеют».

О миролюбивости тамбовцев уже говорилось в этой книге. Только в данном случае достоинство бесспорно оборачивалось недостатком. Писатель Н. Е. Вирта коротко упоминал историю Тамбова в романе под названием «Вечерний звон»: «Между обрывистым, заросшим муравой берегом Цны и лесом лежал луг, заливаемый вешними водами и оттого изобиловавший густой и сочной травой. Чистый ключ Студенец, протекавший на дне глубокого оврага у стен крепостцы, снабжал ее обитателей водой.

Луг давал корм пушкарской, стрелецкой и казачьей скотине, а красоты природы – отдохновение душам, вечно трепещущим в ожидании татарских набегов. Крепостца была построена Боборыкиным хозяйственно: из толстых бревен, с башнями и стенами.

Однако башни и стены не слишком пугали татар, мордву и разбойный люд. Не остановили они и Степана Разина, и полки Пугачева – оба этих прославленных народных бунтаря побывали в Тамбове.

Много раз город выгорал дотла, а обыкновенные пожары каждый год случались сотнями. Обитателей по веснам трясла лихорадка, осенью они утопали в грязи, зимой их заносило снегом. Восемь лет подряд Тамбовщина билась в бесхлебье, народ пух с голоду и умирал. Гуляли тут язва, холера, чума, трахома и прочие болезни».

Если последнее связано было исключительно с ленью и некомпетентностью власти, то описанное в двух предыдущих абзацах – возможно, с беззлостью жителей города.

* * *

Кстати, в соответствии с народными сказаниями Петр Первый сам, не слишком доверяя Глебову с Волконским, решил проинспектировать южную крепость. Этому событию посвящена особая легенда – «О Петре I»: «И приехал он как-то раз в Тамбов. Город наш в те поры крепостью еще был. Ну, вестимо, когда самый рубеж государства русского тут, в степи, возле шел, был он крепостью ничего себе, только деревянной, но со стенами, рвом, башнями. И отбивала та крепость татарские набеги неплохо. Ну а потом рубеж ушел дальше, к самой Азии, за Волгу, крепость-то и подупала. Воеводы в ней сидели нерадивые, ленивые, вороватые; деньги, что на крепость казной отпускались, в карман себе клали, а она хилела все больше и больше: башни покосились, бревна в них погнили; стены где вовсе упали, где гнилые бревна вывалились, дыры зияли: вот-вот стена рухнет. Словом – не крепость, а гнилушка. И рвы круг ее осыпались и землей завалились. Зато воеводы помещиками жили, да иные прочие чиновники в Тамбове жирели и богатели... Как приехал царь Петр в Тамбов, казаки еще за городом его встретили, хлеб-соль поднесли, земно ему поклонились и радость свою высказали, что его у себя видят. А стрельцы-то и навстречу царю за город не вышли, а у стен построились, смотрят волками и царя привечать не хотят, а молчат и исподлобья недобро глядят.

Стал Петр стены да башни крепостные осматривать – ужаснулся: все гнило, похилилось, никуда не годится: на дрова – и то негодно, сгнило все. Пушки в лопухах валяются, лафеты потрескались, а иные вовсе развалились; ни пороху, ни ядер, бомб то есть, ничего нет... Разгневался царь страсть как. Сгрел воеводу, отвозил его дубинкой по чем попало, и еще кой-кому из тамбовских начальников досталось за воровство и нерадение, и посадил их всех под арест, под караул, чтоб судить их потом и казнить всю эту воровскую ораву».

Однако же «орава» просто так сдаваться не желала. И супруга воеводы, главного виновника, всего за вечер организовала заговор. Подговорили стрельцов, охраняющих покой и безопасность царя, чтобы те его, наоборот, утерли. Стрельцы согласились.

Казалось бы, участь Петра Алексеевича была решена. Но одна здешняя обывательница, Марковна, прознала о готовящемся злодеянии. И доложила казакам. Те, в отличие от подлецов стрельцов, были настроены патриотически. Быстренько сняли стрелецкую охрану и принялись

сами охранять Петра. Тот проснулся – а охрана-то другая. В чем, спрашивает, дело? Казаки царю все в красках описали. Марковна им в этом помогла.

«А царь-то, как услышал все это, так даже с лица переменялся.

– Ух, – говорит, – и не чаял, не гадал я, что тут смерть ко мне шла, а ты, бабушка, отвела ее от меня. Спасибо тебе, старая! Спасибо и вам, братцы-казаки! Век не забуду я вашей услуги, награжу я вас по-царски.

Подошел он к Марковне, обнял старую, поцеловал и говорит:

– Поедем ко мне в Москву, заместо матери мне будешь, во дворце будешь жить, в богатстве да в почете. А вам, казаки мои верные, всем дарю по сто червонцев каждому золотыми деньгами, а земли берите, кто сколько захватить может, и налогов и податей никаких платить не будете. А как нужда какая будет у кого из вас, езжайте прямо ко мне и во дворец идите смело. Прикажу тамбовских казаков пропускать без задержки.

Поклонились царю казаки, поблагодарили за награду, а Марковна в ноги царю бухнулась:

– Батюшка-свет Петр Алексеич! Спасибо тебе за милость великую, что матерью меня своей назвал, старую да убогую. Честь то мне великая, самая большая, что под солнцем можно сыскать. А что в Москву ехать и во дворце жить – то уволь, батюшка! Куда мне? Не привычна я к богатому-то житию, к избенке да к землишке привыкла, к степи вольной да к лесу зеленому. А во дворце без дела жить, сладко пить-есть не с руки мне, рабочей бабе. Не гневись, батюшка, на старуху глупую!

Подивился Петр Марковне, что корысти в ней нет никакой, засмеялся и обнял ее.

– Ладно, – говорит. – Как ты хочешь, так и будет. Перечить тебе не могу, потому что матерью тебя назвал. Живи тут, где жила, только дом я тебе другой предоставлю: бери воеводин дом со всем добром, что в нем есть, и живи в нем со всем своим семейством. А на прокорм вот и тебе сотня червонцев золотых. И каждый год приезжай ко мне. Особый пропуск тебе будет мной дан. Гостить у меня будешь».

Вот такие вот сентиментальности.

А что случилось с крепостью – о том легенда, к сожалению, умалчивает. Видимо, все с ней стало замечательно – ведь воеводу с воеводиной повесили, стрельцов со стрельчихами отправили в Сибирь на вечное поселение, а воеводой поставили казачьего голову. А у казачьего-то головы не забалуешь.

* * *

В центре же крепости, ясное дело, возвышался храм. Стоит он и сегодня – правда, не такой, как был: не маленький, не деревянный, а вполне солидный, белокаменный. Он был заложен в 1694 году епископом Тамбовским и Козловским Питиримом и в наши дни является старейшим православным храмом области. Правда, этот храм был долгостроем. Герасим Скопин примечал в 1787 году: «Пошел в собор к обедни. Она церковь каменная; сделанная четвероугольная давно, а не окончена совершенно деревом; а ныне видно хотят ее оканчивать; и много приготовлено дикого камня и кирпича. Нижняя уже и сделана, окошки сделаны большие, и в ней четыре столба, пол деревянный, иконостас сделан между столбами и кругом престола один. Всего 12 столбов. Все белые. На них кругом карниз позолоченный, и образа стоят между оными столбами, не прилепляясь к ним, сами собою стоят (всего их два), да царские двери... весьма хорошо сделано все... Литургию служил... архимандрит (при котором четыре священника да три диакона) и проповедь говорил о любви к Богу».

В 1812 году соорудили колокольню «о трех ярусах, с палаткою и фонарем». На этом внешний облик храма был, в общем, завершен.

Главной святыней, разумеется, была гробница Питирима, мощи которого обретенны в 1914 году. И вправду, вскоре после погребения прихожане отмечали случаи чудесного выздоровления тех, кто посещал эту гробницу. Больше того, между храмом и рекой забил источник, которому тоже приписывались чудотворные возможности. Неудивительно, что когда был кано-

низирован епископ, над источником установили маленькую, но довольно симпатичную часовенку – легкую, ажурно-металлическую, однако на солидной мраморной платформе.

* * *

При советской власти, в 1919 году ракой Питирима стали интересоваться соответствующие организации. Состоялось заседание особо созванной комиссии. Первым выступил некто И. П. Гудков. И доложил:

– К нам несутся тысячные заявления и просьбы, чтобы мы открыли им свет истины в отношении раскрепощения религиозных чувств в смысле веры в мощи, т.е. из заявлений вытекает, что если есть нетленные мощи, то укрепите в нас веру, если же там гнилые остатки костей, то докажите нам и раскрепостите нас от суеверия.

Далее выступил П. И. Успенский, протоиерей Уткинской церкви. Он заявил:

– Я не был ближайшим участником ритуала при открытии мощей святителя Питирима, но довольно близко стоял к тому делу при открытии мощей преподобного Серафима в Сарове. И мне известно, что когда были извлечены из земли останки преп. Серафима, то составлен был акт, в котором подробно перечислены были все уцелевшие части тела его. Акт этот, подписанный всеми участниками свидетельства – людьми и духовными, и мирскими, был затем опубликован и напечатан во всеобщее сведение, и после того уже для всех верующих совершенно ясно, что предлагается к открытому религиозному чествованию и прославлению не тело нетленное преп. Серафима, а останки, уцелевшие от тления – кости, части тела его, носящие на себе несомненные признаки принадлежности именно ему, Серафиму.

Уткинский проиерей предложил отыскать подобный перечень, касающийся Питирима, но был сразу же одернут И. Гудковым:

– Мы, члены Исполкома, ни в коем случае не можем довериться справедливости освидетельствования прежней власти.

Тогда слово взял сам настоятель кафедрального собора, Т. Поспелов. Он процитировал указ Синода от 1913 года: «Во блаженной памяти почившего Питирима, епископа Тамбовского, признать в лике святых, благодатию Божию прославленных, оставив всечестные останки его под спудом на месте упокоения».

И заключил:

– Вашим решением открыть честные останки Угодника Божия вы оскорбите религиозное чувство верующего населения всего нашего Тамбовского края, но веры его в святость Угодника Божия Питирима не уничтожите!

Тем не менее принято было решение – вскрыть.

В акте о вскрытии значилось: «Внутри ковчега дно его на всем протяжении приблизительно до половины высоты ковчега залито белым воском, имеющим совершенно ровную доскообразную поверхность. Из слоя воска выступают залитые в нем различные кости человеческого скелета... По окончании вскрытия ковчег в таком виде сфотографирован, и желающим из присутствующих была предоставлена возможность осмотреть раскрытый ковчег с его содержимым... При вскрытии, кроме членов комиссии, присутствовала молившаяся публика в значительном числе, причем двери храма были все время открыты, и желающие войти в него имели свободный доступ... В присутствии комиссии и находящихся в храме граждан рака была приведена в прежнее положение... Во все время акта освидетельствования мощей был сохранен полный порядок, и никаких протестов как со стороны духовенства, так и присутствующих граждан, о порядке вскрытия не поступало».

Чего именно пытались таким образом добиться власти – не совсем понятно. В любом случае, вскоре после этого собор закрыли – вплоть до 1993 года, когда в храме вновь начались службы. Мощи же Святого Питирима, многие годы находившиеся в другой церкви, Покрова, вновь были перенесены в главный собор Тамбова.

* * *

А вот нравы старой тамбовской епархии вряд ли можно назвать образцовыми. Известный путешественник А. Болотов писал в 1768 году: «Боже мой! Какое мздоимство господствовало тогда в сем месте: всему положена была цена и установление. Желаящий быть попом должен был неотменно принести архиерею десять голов сахару, кусок какой-нибудь парчи и кое-чего другого, например, гданской водки или иного чего. Все сии нужные вещи и товары находились и продавались просителям в доме архиерейском и служили единственно для прикрытия воровства и тому, что под видом приносов можно было обирать деньги. Келейник его продавал оные и брал деньги, которые потом отдавал архиерею, а товары брал назад для вторичной и принужденной продажи. Всякому, посвящающемуся в попы, становилась поставка не менее как во 100, в дьяконы 80, в дьяки 40, в пономари 30 рублей, выключая то, что без десяти рублей келейник ни о ком архиерею не доказывал, а со всем тем от него все зависело. Одним словом, они совсем стыд потеряли, и бесстыдство их выходило из пределов. С самых знакомых и таких, которых почитали себе друзьями, не совестился архиерей брать, и буде мало давали, то припрашивал.

Со всем тем бывшего тогда архиерея хвалили еще за то, что он не таков зол был, как бывший до него Пахомий. Тогдашний, по крайней мере, не дрался, а отсылал винных молиться в церкви, а прежний был самый драчун, и об нем рассказывали мне один странный анекдот. Случилось быть в его время в местечке Ранебурге одному богатому и ульев до 300 пчел имеющему попу и определенному туда самим синодом. Архиерей, приехавши в епархию, тотчас об нем пронюхал и надобно было его притащить, надобно было помучить. К несчастью сего бедняка, вздумалось ему поупрямиться; он счел себя не под командою архиерейскою и не хотел по двум посылкам ехать и везть к нему свою ставленную. Архиерей велел притащить его силою и до тех пор его мучил плетьюми и тиранил, покуда не вымучил из него 500 руб. и не разорил его до конца. Но сего еще не довольно; но он на сии деньги сделал себе богатое платье и хвастал всему свету, что это платье упрямого попа.

А сим и подобным сему образом обходился он и с прочими своими подчиненными и тем помрачал всю славу, которой достоин был за основание и построение великого одного архиерейского дома и монастыря, которым Тамбов украшался в особенности».

Впрочем, странно было бы рассчитывать на то, что власть церковная будет серьезно отличаться от светского руководства. Тот же Болотов писал: «Не лучше архиерея были и гражданские начальники. Мне и об них рассказывали странные и удивительные дела, а особливо о бывшем до того воеводе Коломнине, который был такой мздоимец, что самая смерть не могла уменьшить в нем алчности его к деньгам.

Рассказывали, что в то время, когда лежал он уже при самой смерти болен, принесли к нему подписывать одну квитанцию, и он, не в состоянии уже будучи говорить, давал знак руками, что он без взятки подписать не велит, и до тех пор сего не сделал, покуда не положили ему на грудь рубля; и не успел он сего сделать и тот с квитанцией выйти, как закричали, что воевода умер.

Преемник его, г-н Маслов, был еще лучше его. Сей, между прочим, употреблял следующие к обогащению своему средства. Как скоро приведут вора или разбойника, то, не ведя в канцелярию, призовет его к себе, расспросит его, откуда он, кто в тех деревнях богатые и заживные мужики и жители, и сих людей велит ему оговорить, обещая самого за то его освободить. Вор то и сделает, и воевода, призвав его к себе, и выпустит его другим крыльцом на волю, а тех бедных людей разорит и ограбит до основания.

К вящему несчастью, случилось в его бытность быть частым рекрутским наборам, подававшим ему наилучший способ воровать и наживаться, а особливо от однодворцев и дворцовых крестьян. Не успеет кто привести рекрута, как, содрав с него хорошую кожуру и обобрав, отпускал его домой, а на место его другого представлять приказывал».

Очевидно, что в Тамбове следовало многое менять.

* * *

А перед главным собором сейчас находится монумент Вечной Славы, возведенный здесь к 25-летию победы над войсками Гитлера. Этот монумент – один из наиболее удачных в нашем государстве. Четыре столба, символизирующие четыре страшных года той войны. Внизу – бронзовая звезда с Вечным огнем. Вокруг звезды надпись: «Светлой памяти тамбовцев, отдавших жизни за Родину в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. 9 мая 1970 г.». На столбах – кольцо Славы с тремя скорбными барельефами – «Однополчане», «Семья» и «Родители». А перед мемориалом – урны с землей городов-героев.

И действительно, когда стоишь у памятника, четко ощущаешь – да, были в нашей истории эти четыре года.

* * *

Улица Степана Разина выводит нас на улицу Советскую, бывшую Большую или же Большую Астраханскую. Это – главная улица Тамбова. Начинается она значительно южнее территории, выбранной нами, а заканчивается гораздо севернее. Но мы все-таки будем последовательны – невозможно объять необъятное. Достаточно того, что каждый раз, перебираясь через эту улицу, мы будем обращать внимание на памятники, украшающие ее вблизи того или иного перекрестка.

Н. Е. Вирта писал: «Большая улица, самая длинная и чистая, застроенная казенными домами, была средоточием властей гражданских, военных и духовных. Все учреждения помещались на этой улице, а во дворе, близ кафедрального собора, жил губернатор. На той же улице в реальном училище, в гимназии и в духовных заведениях приобщали к наукам детей благородных лиц».

Тем не менее Большая, несмотря на свое важное значение, особенной ухоженностью не отличалась никогда. Как, впрочем, и другие улицы Тамбова. Один из современников Державина писал, как выглядел Тамбов в XVIII веке. Город «при открытии наместничества походил на обширное черноземное село. Почти все его дома были крыты соломою, а болотистые улицы выложены фашинником (то есть перевязанными прутьями пучками хвороста – А.М.), изрыты ямами и пересечены сорными буграми. На главной улице весной и осенью протекал широкий и тинистый ручей; на западных окраинах города стояли болота, поросшие лесом и кустарником, богатым дичью».

Со временем ручей с фашинником, к счастью, изжили, но Большая улица все же была довольно далека от идеала.

Один из журналистов сообщал в 1881 году: «При поездках в экипажах на самых бойких улицах седоку от толчков приходилось ежеминутно подпрыгивать в экипаже, рискуя откусить себе язык и подвергнуться другим неприятностям. Вследствие толчков на ухабах некоторым пассажирам доводится и совсем выскакивать из экипажей». Увы, Большая улица принадлежала именно к числу таких особо «бойких».

Помимо проезжей части улицы, разумеется, имели тротуары – тоже не отличавшиеся комфортом: «Большая вполне оправдывает свое название: она длинна, достаточно широка и может похвастаться многочисленными приманками для пылкого юношества... если не принимать в счет благовидных тротуаров, идти по которым нужно осмотрительно, прибавлять к штиблетам калоши, чтобы последние не остались в грязи, а в морозное время необходимо упражняться по законам равновесия, дабы сохранить в целостности затылок».

Правда, попытки привести дороги в чувство все-таки предпринимались. В частности, в середине девятнадцатого века тротуары стали асфальтировать. Но асфальтом тогда пользоваться толком не умели, и, перед дорожными работами начисто освободили дорожную поверхность от камней и щебня. Асфальт же заливали прямо на землю. Неудивительно, что он довольно быстро приходил в негодность.

Газета «Тамбовские губернские ведомости» извещала читателей: «Асфальтовые тротуары у нас в Тамбове уже на значительном пространстве вытеснили из употребления булыжные мостовые. На протяжении трех верст... вплоть до северной окраины Варваринской площади пешеходное сообщение города происходит теперь по асфальту... Но жаль, что в других улицах города асфальт заменяется, говорят, что домовладельцы не знают, куда девать булыжник от прежней мостовой. Оказывается, старый булыжник перед асфальтированием выковыривали из земли. Асфальт же, положенный за землю, вскоре стал нуждаться в ремонте. С тех пор и повелось: город мостили подешевле и потом ежегодно ремонтировали улицы».

Лишь в 1914 году дорожные работы стали делать более-менее по науке. Газета «Тамбовские отклики» сообщала: «Вчера начались работы по нивелированию Большой улицы, по окончании которых она будет залита горячим асфальтом. В некоторых местах скрыто будет до аршина земли. Центр улицы, как известно, будет замощен булыжником, основанием для которого будет песок. Боковые же части будут заливаться раскаленным асфальтом на прочном бетонном основании. По условию с подрядчиком Пикулиным все работы должны быть закончены к 1 июля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.